

Цикл
Владимира Маркова-Бабкина
НОВЫЙ МИХАИЛ

1917: Да здравствует император!

1917: Трон Империи

1917: Государь революции

Император мира

1917: Вперед, Империя!

Император двух Империй

Император Единства

Владимир Марков-Бабкин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М26

Серия «Попаданец»
Выпуск 130

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Марков-Бабкин, Владимир

М26 Новый Михаил: Император Единства: роман / Владимир Марков-Бабкин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 416 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-147375-4

Бывший военный летчик и глава крупного медиахолдинга из 2015 года переносится в тело брата Николая Второго — великого князя Михаила Александровича в самый разгар Февральской революции. Спасая свою жизнь, вынужден принять корону Российской империи. И тут началось...

Мятежи, заговоры, покушения. Интриги, подставы, закулисные игры. Большая Игра и Игроки. Многоуровневые события, каждый слой которых открывает читателю новые, подчас неожиданные подробности событий, часто скрытые от глаз простого обывателя.

Итак, «на дворе» конец 1917 года. Революции не случилось. Османская империя разгромлена, Пропливы взяты, «возрождена историческая Ромея» со столицей в Константинополе, и наш попаданец стал императором Имперского Единства России и Ромеи, стал мужем итальянской принцессы Иоланды Савойской.

Первая мировая война идет к своему финалу, однако финал этот совсем иной, чем в реальной истории. И военная катастрофа при Моонзунде вовсе не означает, что Германия войну проиграла. Всё только начинается...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-147375-4

© Владимир Марков-Бабкин, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Посвящается моей семье
Спасибо Виталию Сергееву за помощь*

Часть первая ТРИ КОРОНЫ И ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

Глава I ВО ИМЯ ЗЕМЛИ, СПАСЕНИЯ И ВЕРЫ

*Москва. Кремль. Дом империи.
26 августа (8 сентября) 1917 года*

Хорошо в году эдак 2020-м. Ни тебе пандемии, ни ее угрозы. Медицина на уровне, наука достигла небывалых высот, а народ образован и сознателен. Никаких тебе потрясений, а обыватель лишь со смехом вспоминает о том, как он обделался легким испугом от свиного гриппа. Увы, мне в 1917 году такое может только сниться.

11 марта 1918 года в военный госпиталь в Форт-Райли (штат Канзас, США) придет повар Альберт Гитчелл и будет жаловаться на лихорадку и боль в горле. К вечеру слегет еще сотня его сослуживцев. Так начнется пандемия «испанки», которую правильнее было бы именовать «американкой».

Цифры погибших от испанского гриппа разнятся. До ста миллионов человек умрут на планете по самым пессимистическим оценкам. Или в разы меньше. Но все равно десятки миллионов. *Десятки миллионов.*

Намного, намного больше, чем погибло и погибнет на полях сражений Великой войны.

А заболевает треть населения Земли.

Что я должен делать с этим знанием и с этими цифрами? Приказать ликвидировать «нулевого пациента» повара Альберта Гитчелла? А кто сказал, что он и в самом деле нулевой пациент? Может, у него просто организм оказался самым слабым? Нет, я могу, конечно, перестраховаться и грохнуть этого самого Гитчелла, но как перебить или изолировать в США несколько сотен американских солдат? Да и вряд ли это что-то даст. Как-то мало верю я в истории о бешеных летучих мышах или кусающихся озверелых мартышках, которые укусили за условную задницу именно этого Гитчелла. Да и не знаю я имен этой «сотни сослуживцев», заболевших с ним в один день.

Точно так же никто не может гарантировать, что пандемия вообще началась именно с бедняги Гитчелла, а не где-то в другом месте. Возможно, вирус завезли из Китая или еще откуда-то прибывшие в Америку эмигранты, возможно, это какая-то мутация, возможно... Все возможно.

Ясно одно — Россию и весь мир ждут пандемия испанки, всяческие неурожаи, перенаселение, голод, социальные потрясения и прочие беды, предотвратить многие из которых я не смогу, невзирая на все мои попаданческие послезнания, которые становятся все менее актуальными с каждым моим действием в этом времени. Остается лишь с полным надрывом работать местным царем-батюшкой, проводя революцию сверху и готовя страну к грядущим вызовам.

Стелить ту самую легендарную «соломку» в местах, где я могу предполагать грядущие «падения».

А времени у меня крайне мало.

В Овальном зале второй час шло совещание, несколько раз прерываемое пятиминутными «перекурами» в моменты, когда Маша вынужденно покидала нас. Токсикоз — штука неприятная во всех отношениях, а сильный

токсикоз особенно. Особенно когда ты царица и прочих земель императрица и у тебя полно всяческих государственных обязанностей помимо обнимашек с уже ненавистным тазиком. Хорошо хоть в Доме империи есть все мыслимые удобства в плане сантехники, а из моего официального кабинета до нашей личной квартиры всего несколько десятков шагов.

Ну что тут скажешь. Таковы прелести будущего материнства. Тут уж как повезет с токсикозом. Нам вот пока не повезло. Впереди еще восемь месяцев беременности, и тут ничего не попишешь — будет всякое, и хорошее, и трудное.

Разумеется, я предоставил Маше наилучшие условия и уход, какие только возможны и могут быть в этом времени. Так что теперь нас во всех поездках и во всех местах обитания сопровождает еще и личный лейб-акушер госпожа Улезко-Строганова со своей медицинской бандой.

Одетый по случаю в дворцовую ливрею, камердинер Евстафий тихо доложил мне на ухо:

— Государь, ее величество.

Киваю и оборачиваюсь к входящей Маше. Ее безупречный серый мундир генерал-майора императорских сил спасения лишь подчеркивал необычайную бледность ее смуглой кожи.

— Ты как?

Она вымученно улыбнулась.

— Надеюсь, что сегодня к трону никому не придется спешить с ведром или тазиком. С короной на голове мне будет очень непросто наклоняться...

В ответ на незатейливую шутку сжимаю ободряюще руку бывшей итальянской принцессы Иоланды Савойской.

Да, у нас сегодня в программе мероприятий еще и моя тронная речь в Андреевском зале. И по протоколу

Маша должна будет принять участие в церемонии. Хорошо хоть на Большой императорский выход я ей идти не разрешил, и мы ограничились кратким присутствием ее величества в Успенском соборе во время воскресного богослужения. Я бы сегодня и туда ее не пустил, но подданные буквально жаждали увидеть «благословенную Марию Псковскую», и она не могла не прийти под взоры прессы и кинохроники. The Show Must Go On. Законы шоу-бизнеса никто не отменял даже в 1917 году. Министр информации новоявленный граф Суворин подтвердит.

— Евстафий, голубчик, скомандуй-ка построение.

Мой начальник личной тайной разведки усмехается краешком глаз, чинно кивает и, выйдя в приемную, провозглашает официальным тоном:

— Господа! Государь высочайше повелел продолжать!

Российское телеграфное агентство (РОСТА).

26 августа (8 сентября) 1917 года

Сегодня на Красной площади в Москве состоялась торжественная церемония принятия российского подданства. Первая тысяча переселенцев из Франции принесла присягу верности ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ВСЕРОССИЙСКОМУ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

Среди переселенцев ученые, врачи, инженеры, техники, агрономы, высококвалифицированные специалисты в различных сферах науки, медицины, промышленности, транспорта и сельского хозяйства, которые покинули измученную потрясениями союзную Францию.

Принявший в числе прочих русское подданство известный промышленник Луи Рено от лица всех переселенцев поблагодарил Е. И. В. МИХАИЛА ВТОРОГО

за возможность начать новую жизнь и заверил, что все прибывшие приложат все свои силы во славу России.

«Честь в Служении на благо Отчизны!» — этими словами закончил господин Рено свое выступление.

***Москва. Кремль. Дом империи.
26 августа (8 сентября) 1917 года***

В зал из курилки вновь вернулись участники совещания, и когда все расселись, я кивнул генералу принцу Ольденбургскому:

— Вам вновь слово, Александр Петрович.

— Благодарю, ваше величество.

Министр спасения продолжил прерванный выходом Маши доклад:

— Ваши величества, господа. Подводя итог сказанному ранее, хотел бы отметить, что происшествие на артиллерийских складах в Пскове позволило нам еще раз отработать на практике протокол взаимодействия служб в условиях чрезвычайной ситуации. Происшествие потребовало осуществить массовую эвакуацию гражданского населения, военных эшелонов с узловой станции, осуществить развертывание лагерей спасения, их снабжение всем необходимым, а также организованную передислокацию на более удаленные от эпицентра взрывов места. Кроме того, немалый опыт дала практика развертывания лагерей спасения в районах, прилегающих к Константинополю и Проливам. Причем в этом случае нами успешно были созданы отдельные лагеря для христиан, мусульман и иудеев, а также были осуществлены мероприятия по фильтрации поступающего контингента...

Новояз все глубже проникал в это время. Я перестал обращать внимание на свои языковые обороты, а граф Суворин продвигал это в качестве «новояза» — языка

перемен, языка освобождения и служения. Впрочем, я и сам был за это. России предстояла глобальная коренная модернизация, и патриархальный язык с еще более патриархальной грамматикой лишь мешали прогрессу.

— Принц, вопрос карантина в Ромее в данный момент является самым важным. Мы не можем допустить проникновение носителей инфекции в Константинополь и в зоны, предназначенные для русских поселенцев. Это произведет не только тягостное впечатление, но и в значительной степени может повлиять на всю намеченную программу переселения. Я думаю, что нет необходимости упоминать о том, что эпидемия во время визита в город гостей нашей коронации категорически недопустима. Какие меры принимаются?

Принц Ольденбургский кивнул.

— Государь! Все бывшие жители Восточной Фракии и города Константинополя размещены ныне в специальных фильтрационных лагерях, где с ними не только работают сотрудники Имперской СБ, военных разведки и контрразведки, но и специалисты Минспаса. Фактически вся система лагерей в эпидемиологическом плане предназначена для карантина и выявления зараженных какими-либо заразными болезнями. В любом случае до коронации ваших величеств никто из содержащихся в этих лагерях не будет отпущен, а к тому времени, насколько я могу судить, в Ромею прибудет несколько партий наших переселенцев, среди которых, кстати, в Крыму и Малороссии точно так же проводятся мероприятия по выявлению больных инфекционными заболеваниями.

— И много выявили?

— Достаточно, государь. Туберкулез и прочий букет, который можно встретить в любом российском городе или в нашей глубинке, имеет место быть. Особо тяжелые случаи мы стараемся отделить от основной массы переселенцев, но дело осложняется тем, что пока пере-

селяются в основном члены семей отличившихся героев войны, пожелавших после демобилизации осесть в Ромее, и разделение членов семьи может вызвать серьезное напряжение в армии.

— И тем не менее мы не должны пускать на самотек этот момент. Люди переселяются из разных регионов, могут завезти туда черт знает что. Федор Федорович, скооперируйтесь с Борисом Алексеевичем, нам нужно провести мощную разъяснительную кампанию, как среди переселенцев, так и среди солдат в армии. Министерству обороны и информации следует четко показать всю опасность эпидемий и необходимость карантинных мер. Если мы сейчас не справимся с этим, то что тогда говорить о ситуации, когда вдруг вспыхнет пандемия. А она обязательно вспыхнет, попомните мое слово. Окопы — отличный рассадник заразы. И не только политической.

Палицын и Суворин, сев на место, сделали пометки в своих записях. Резюмирую:

— Что ж, Александр Петрович, пожар на артиллерийских складах дал нам ценный опыт, и цена, уплаченная за него, не так велика, как могла бы быть. Около ста тысяч артиллерийских снарядов уничтожено, три сотни сгоревших и разрушенных домов в Пскове и окрестностях, восемнадцать погибших и шестьдесят пять человек раненых — все это цифры прискорбные, но отнюдь не такие, какими они могли бы быть, если бы не грамотные, своевременные и решительные действия Штаба по преодолению последствий катастрофы. Особый протокол «Казань» доказал свою состоятельность и эффективность и, с учетом изменений и дополнений на основании полученного практического опыта, может быть использован в качестве образца для составления «особых протоколов» для региональных подразделений ИСС, не так ли, Николай Николаевич?

Командующий ИСС генерал Духонин поднялся и доложил:

— Так точно, ваше императорское величество! В настоящее время нами, совместно с Главным медицинским управлением Минспаса, Императорской Главной квартирой, Минобороны, Мининформом и Росрезервом, готовится окончательная редакция региональных «особых протоколов» на случай чрезвычайных событий.

Генерал докладывал довольно бойко и уверенно, информируя меня о проводимых мероприятиях, о формировании отдельных батальонов Императорской Службы спасения в каждой из губерний, областей и в каждом из регионов России и Ромеи, о развертывании в Москве, Петрограде и Константинополе отдельных полков ИСС, о том, что все служащие службы проходят курсы первичной помощи и получают на учениях навыки спасательных работ, в том числе и в условиях экстренных ситуаций и объявленного чрезвычайного положения. О взаимодействии с армией, Инженерно-строительным корпусом, Имперской стражей, Росрезервом, спецслужбами и МВД.

Фактически в рамках Министерства спасения я соединил в одной упряжке Минздрав, военную медицину, лечебные, санитарные и эвакуационные учреждения, усилив все это Императорской Службой спасения — военизированной организацией с чрезвычайными полномочиями, неким аналогом привычного мне МЧС, но куда более милитаризованным. Все это действовало в тесной связке с неправительственными организациями, в том числе с Корпусом служения, Фронтовым братством и Российским обществом Красного Креста.

И Духонин пер вперед, с уверенностью танка.

Что ж, посмотрим. Впрочем, его уверенность я вполне мог объяснить. Иметь в качестве августейшего шефа ИСС саму императрицу Марию Викторовну — это доро-

гого стоит. Маша и ее имя открывали Духонину все двери, а любая проволочка могла повлечь весьма серьезные последствия, ибо многие успели убедиться на собственной шкуре в остроте милых коготков императрицы.

Кое-кто уже отправился под трибунал за саботаж в условиях войны.

Не дрогнувшей рукой я утвердил все приговоры.

В конце концов, я же не Николай Кровавый.

Не икается ли ему сейчас в Ялте?

Российское телеграфное агентство (РОСТА).

26 августа (8 сентября) 1917 года

Сегодня ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ Высочайше повелел образовать Особую комиссию по организации подъема германских кораблей и судов, потопленных в результате действий российских флота, армии и авиации на различных театрах военных действий. Руководителем Особой комиссии ГОСУДАРЬ повелел назначить генерала по флоту Алексея Крылова.

Напомним читателям, что под руководством генерала Крылова в Севастополе успешно завершён подъём линкора «ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ», затонувшего вследствие германской диверсии. Возвращение в строй главного корабля серии намечено на 1918 год. После вступления корабля в строй он станет четвертым самым современным линейным кораблем, входящим в состав сил Средиземноморской эскадры Южного флота России, наряду с однотипными линкорами «Император Александр III», «Императрица Екатерина Великая» и «Император Николай I», который нынче проходит ходовые испытания на Черном море.

В интервью РОСТА генерал Крылов сообщил, что исследования в районе Моонзундских островов начнутся сразу после освобождения от оккупации заня-

той германскими войсками Курляндии. Операцию по подъему со дна десяти немецких линкоров, а также прочих боевых кораблей и судов намечено провести в 1918–1919 годах.

В то же время в районе Константинополя в настоящее время уже начаты работы по исследованию затонувших немецких кораблей «Гебен», «Бреслау», «Курфюрст Фридрих Вильгельм», «Вейссенбург», переданных ранее Османской империи, а также османского крейсера «Хамидие», с целью изучения возможности подъема данных кораблей и дальнейшего применения их самих, их узлов и вооружения для усиления обороны Босфора и Дарданелл, черноморского побережья России и РOMEИ, а также средиземноморского побережья РOMEИ.

Напомним нашим читателям, что Е. И. В. МИХАИЛ ВТОРОЙ, воздавая должное мужеству немецких моряков линейного крейсера «Гебен», Высочайше повелел при подъеме крейсера перезахоронить погибших со всеми воинскими почестями.

***Москва. Кремль. Дом империи.
26 августа (8 сентября) 1917 года***

— Приветствую вас, владыка Антоний.

— Желаю здравствовать вашему императорскому величеству. Благодарю ваше величество за дарование высочайшей аудиенции.

Изучающе смотрю на почтенного старца. Ох непрост батюшка, непрост! Но что я знаю о нем? Из моего будущего крайне мало, как-то не очень меня интересовала его фигура. Помню только, что возглавлял он после революции Русскую православную церковь за рубежом, был ярким противником большевизма, закоренелым монархистом и человеком, убежденным в том, что «царь — это догмат веры». Хотя тараканов у него в голове тоже было предо-

статочно. Ну, как говорится, кто без тараканов, тот пусть первым бросит в себя камень. Точно в цель будет бросок.

Что касается «царя — догмата веры», то меня этот тезис вполне устраивал.

Да и выбор был не очень велик, всего-то три проголосованные Собором кандидатуры — архиепископ Антоний (Храповицкий), архиепископ Арсений (Стадницкий) и архиепископ Тихон (Белавин), который в известной мне истории и стал в итоге патриархом РПЦ. Впрочем, тогда решил слепой жребий, выбрав из тех же кандидатур Тихона. В этой реальности жребий — это ваш покорный слуга. И я вовсе не слепой. И потому говорил со всеми кандидатами, которые были пробаллотированы Поместным собором и представлены на высочайшее одобрение.

Нет, я мог бы, в теории, вообще обойтись без патриарха в РПЦ. Двести лет как-то жили, и, через обер-прокурора Святейшего Синода, царь как-то управлялся со всей этой религиозной конторой. Но тогда перед самодержцами стояли иные задачи и масштаб их деяний был куда меньше. Скажу об этом без лишней скромности и прочей скоромности, в таких делах непотребной.

Когда в твоей империи вдруг оказывается множество православных церквей и патриархий, то тут уж возникает совсем иной резон в принятии решений, чем обыкновенное самодержавное «Церковь — это я» (прости Господи!). Уже сейчас мой вес и мое влияние на православие во всем мире несоизмеримо выше, чем были у того же Николая Второго. И я не могу допустить, чтобы основная церковь православной империи была статусом ниже, чем церкви пришлые. Кроме того, моя расчудесная голова, да и голова «благословенной Марии Псковской» не может быть венчана короной Единства из рук не пойми кого, какого-то там местоблюстителя. Гордыня, скажете вы? Политика! Откровенно говоря, я, скорее, сторонник возложить сам корону на свою голову, но это будет стра-